

Заговор минских слесарей

Людмила СЕМЕНОВА,
доктор исторических
наук, доцент

Минская летопись народных волнений, революционных выступлений, забастовочной борьбы достаточно обширна. Есть в ней и первая на белорусских землях забастовка рабочих мастерских Московско-Брестской железной дороги 1876 года, и политические стачки революционной поры начала XX века, и печально известный «Курловский расстрел» 18 октября 1905 года. Внимания заслуживают и малоизвестные, почти забытые сегодня страницы. Одной из них является выступление работников минских слесарных мастерских 1887 года.

В книге «Минск» историко-документальной хроники «Память» отмечается, что в 1886–1887 годах в Минске прошли стачки ремесленных рабочих обойщиков, столяров, наборщиков, портных, слесарей. Работниками слесарно-кузнечного цеха еще в 1885–1887 годах была учреждена первая стачечная касса. На ее средства в мае – июне 1887 года и была проведена забастовка рабочих шести слесарно-кузнечных мастерских [1, с. 110–111]. Белорусский историк М.О. Бич подчеркивает, что забастовавшие слесари выдвинули требование 12-часового рабочего дня. Хозяева отказались удовлетворить его и донесли о стачке в полицию. Борьба затянулась на 2 месяца [2, с. 88].

На вопрос о том, насколько это была типичная экономическая забастовка, помогут ответить архивные материалы.

Слесарно-кузнечный цех среди более чем 60 цехов Минской ремесленной управы второй половины XIX века занимал особое место. Он был не самым многочисленным: редко в какие годы число членов превышало сотню. Однако наследники Гефеста, будучи мастерами своего дела, сохраняли традиции сложнейшего ремесла и достойно выживали в жесткой конкуренции с металлообрабатывающей промышленностью. На рубеже 1880–1890-х годов к минскому слесарно-кузнечному цеху относилось 61 заведение, среди которых были 29 слесарно-кузнечных, 24 кузнечных, 2 механических и несколько специализированных мастерских, в том числе оружейная мастерская Д.И. Журавского [3, л. 75]. Самой крупной считалась слесарно-кузнечная мастерская цехового старшины Зикеля Малявского, в которой трудилось максимально возможное для мастерской число подмастерьев – 15 и 6 учеников [4, л. 20]. Большинство слесарей, как и все ремесленники, были евреи.

Поскольку они чтили субботу, воскресный день для мастерских слесарно-кузнечного цеха был рабочим. Заказов было много, дело приносило немалый доход. Поэтому и работали металлисты больше установленного времени: с 6 часов утра и до 8, а не до 6 часов вечера, как было закреплено ремесленным уставом. Но воскресный день 25 апреля 1887 года надолго запомнился многим мастерам. В этот день на работу в слесарно-кузнечную мастерскую Меера Крейндела без каких-либо предупреждений и тем более объяснений не явился

ОБ АВТОРЕ

СЕМЕНОВА Людмила Николаевна.

Родилась в г. Алматы. Окончила исторический факультет Казахского государственного университета имени Аль-Фараби (1986), аспирантуру Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (1990). Преподавала в Алматинском энергетическом институте и Казахском государственном университете. В 1997 году прошла научную стажировку в университете Кентукки (США).

В 2000–2006 годах – доцент Международного гуманитарно-экономического института. В 2006–2012 годах – доцент Института парламентаризма и предпринимательства. С 2012 года – профессор кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ.

Доктор исторических наук (2012), доцент (2003).

Автор более 100 научных работ, в том числе 6 учебных пособий.

Сфера научных интересов: социально-экономическая история нового и новейшего времени, история США, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, тред-юнионизм, лейборизм, социальный реформизм, социальное партнерство, история Беларуси.

подмастерье Лейба Карп [4, л. 13]. Зато в слесарно-кузнечную мастерскую Копеля Бейлина около 4 часов пополудни пришли подмастерья других мастеров. По словам Копеля Бейлина, они вели себя грубо и вызывающе, «приказали, чтобы никто после 6 часов вечера не работал, а если кто будет работать, будет лишен своего звания и жизни. Все рабочие бросили работу и спасают жизни» [4, л. 14].

В мастерской цехового старшины Зикеля Малявского сначала было спокойно, работа шла своим чередом, но в 6 часов вечера все подмастерья и ученики, как по команде, перестали работать. На вопрос, почему так рано бросают работу, ответили, что у них «сделан союз, чтобы работать только до 6 вечера, иначе будут лишены жизни». Мастер не растерялся и заявил, что ответственность за их жизни берет на себя и просит продолжать работу. Но уговорам поддался лишь один, а все остальные ушли [4, л. 15].

То же самое в 6 часов вечера произошло в мастерских Бенциана Голуба и Мордуха Гобермана. Если некоторые мастера даже не знали фамилий своих подмастерьев, то у мастера Гобермана с его подмастерьем заславским мещанином Хаимом Рубином Лившицем были теплые дружеские отношения. Но и Лившиц доверительно сообщил своему мастеру, что «состоит в союзе, чтобы не работать после 6 вечера» [4, л. 18].

26 апреля в понедельник обстановка накалилась. В указанных мастерских работа встала, наступила редкая для них тишина. Зато по близлежащим улицам ходила толпа «около 20 человек сего ремесла и приказывала не идти на работу остальным представителям своего цеха». Так, например, утром они остановили подмастерья Шмолу Щавельзона и ученика Ицку, работавших в мастерской Гирши Кузнецова. Испуганные, они только к часу дня добрались до своей мастерской, рассказали обо всем мастеру, поведали, что «опасаются за свои жизни» [4, л. 17].

27 апреля слесарно-кузнечная мастерская Гирши Кузнецова снова стала эпицентром волнений. В 10 часов утра к мастерской подошли несколько рабочих, начали угрожать ученику Ицке, «стали бросать камнями в окошко, через что мальчик оставил работу». «Ломились в двери, кричали: «Поддай подмастера» [4, л. 17].

▲ Слесарная мастерская.
1880 год

В районе, где располагались слесарно-кузнечные мастерские, было тревожно, особенно на улицах Болотной, Губернаторской, Мясницкой, Захарьевской, Набережной. То здесь, то там появлялись группы рабочих. Не меньшее опасение вызывали и отдельные кузнецы, например Айзик Румеровский, о котором сообщали, что он «ходил по кузницам и угрожал побоями. Подстрекал рабочих оставить работу, давал им деньги и поил водкой» [4, л. 21].

Мастера были в отчаянии, никто из них не мог припомнить подобного. 27 апреля к мастеру слесарно-кузнечного ремесла Хаиму Шапиро пришел некто Лейба Ритенбаум, о котором было известно, что он имеет собственный дом на Болотной улице. Ритенбаум предупредил Шапиро, чтобы тот «удалил своих подмастерьев, иначе будет худо. Что между всеми ремесленниками заключено условие не держать более подмастерьев и что все уже уволены». Для соблюдения этого условия необходимо, чтобы каждый мастер передал лично в руки Вульф Хаймовичу Лейницу вексель на 100 рублей. Если кто-то нарушит условие и примет обратно подмастерьев, то должен уплатить этому Лейницу 100 рублей.

Такой странной новостью Шапиро поспешил поделиться с коллегой по цеху ма-

стером Меером Крейнделем. Но тот уже все знал. Не успел удрученный Шапиро вернуться домой, как к нему пришел его компаньон Шая Зеликович и поведал, что ему самому пришлось побывать у Лейбы Ритенбаума, так как тот не застал его дома, и услышать от него новость, что «все ремесленники условились не держать больше подмастерьев». Пошли мастера-кузнецы за советом к старшине слесарно-кузнечного цеха Зикелю Малявскому. Оказалось, он также пребывал в растерянности, мрачно шутил, что надо отдать сторублевый вексель, тогда «будешь знать, что делать» [4, л. 22–24].

30 апреля старшина слесарно-кузнечного цеха З. Малявский и мастера К. Бейлин, Б. Голуб, Г. Кузнецов, М. Гоберман написали заявления в Минскую ремесленную управу. К заявлениям старшина Малявский приложил список охваченных волнением слесарно-кузнечных мастерских с покинувшими свои рабочие места подмастерьями и учениками. Список оказался внушительным, в нем значились 7 мастерских и 18 рабочих [4, л. 14–19]. Полиция уже была в курсе происходящего и по предписанию минского полицмейстера начала полицейское расследование по делу «о заговоре слесарей».

2 мая к допросам приступил Васюкович, помощник пристава 3-й части Минска, где располагались пресловутые мастерские. Расследование оказалось не менее захватывающим, чем сам заговор. Ход заговора, его участники и потерпевшие были известны. Никто из них не скрывался, все давали показания. Необходимо было установить зачинщиков, должным образом квалифицировать само событие, наказать виновных и урегулировать конфликт.

В расследовании дела обнаружилась интересная юридическая коллизия. Происходящее было похоже на забастовку. Работники выдвинули требование сокращения рабочего времени, заявили, что у них есть союз, прекратили работу и оставили рабочие места. Но понятие «стачка» относилось к рабочим фабрик и заводов и, соответственно, содержалось в фабричном законодательстве Российской империи. Ремесленные же мастерские не относились к фабричной промышленности, в подобных случаях преследование у мировых судей должна возбуждать ремес-

ленная управа. Но ремесленный устав не знал понятия «стачка». Вся совокупность возможных проступков, преступлений, споров ремесленников была определена как «нарушение постановлений ремесленных». Близким к стачке можно было считать такой проступок, как самовольная отлучка подмастерья от своего мастера «без особой законной тому причины», за который в статье 235-й ремесленного устава определялось наказание в виде вычета из жалованья «за всякий день отлучки» и сверх того взыскание в ремесленную казну [5]. В отношении наказаний ремесленный устав был существенно беднее фабричного законодательства. К чести Минского губернского правления следует отметить, что оно призывало действовать в установившемся правовом поле, не применять к ремесленникам положений фабричного законодательства.

Между тем забастовка продолжалась. Подмастерья и ученики не торопились возвращаться к своим мастерам. Мастера, помня о загадочном 100-рублевом векселе, также не горели желанием видеть на рабочих местах своих работников. Стороны выжидали. И те, и другие могли себе это позволить. Мастера слесарно-кузнечного дела были людьми вполне зажиточными. Что касается подмастерьев, то хоть их зарплаты не отличались высокой покупательной способностью, недостатка в деньгах они не имели. Несколько опрошенных подмастерьев сообщали, что им предлагали деньги за то, чтобы они оставили работу. Эти факты свидетельствуют о существовании у подмастерьев стачечной кассы.

Скоро в забастовке появилась еще одна новация. Несколько подмастерьев, среди которых были Айзик Румеровский, Вульф Слепьян, Абрам Коваль, Хаим Розин, Лейба Праховник, открыли собственную мастерскую и приступили к работе. Они решительно уговаривали других подмастерьев и учеников перейти к ним, порой даже прибегали к угрозам, категорически запрещая работать на прежних работодателях. И, самое интересное, платили определенные суммы только за то, чтобы другие подмастерья не выходили на свои рабочие места. На очередном допросе, проведенном помощником пристава Васюковичем 8–10 июня, подмастерье Берка Рольник, работавший у Копеля Бейлина,

свидетельствовал, что не показывался у своего мастера в течение 5 недель и «все это время поименованные им лица платили по 3; 3,5; 4 рубля в неделю, чтобы только он не работал. Когда же он опять недели три тому назад уговорился с Бейлиным у него работать, то все эти лица явились к нему, забрали с собою, не давали работать и угрожали». Подмастерью Владиславу Домбровскому, также трудившемуся у Копеля Бейлина, платили 1 рубль 10 копеек в неделю. Работавшему у Зикеля Малявского подмастерью Николаю Мартусевичу платили 1 рубль 80 копеек. Подмастерью Боруху Гинзбургу предлагали 5 рублей, чтобы он оставил работу и уехал домой [4, л. 37–38].

Порой подмастерья-активисты переходили к агрессивным действиям. Так, например, Зикель Малявский нанял Янкеля Спивака для одноразовой работы – оковать двери в доме. Когда Спивак подходил к месту жительства заказчика, то его окружили Айзик Румеровский, Вульф Слепьян и другие подмастерья и «сказали, что если он не оставит работу, то они его утопят». Юдель Кикин, трудившийся подмастерем у кузнеца Абрама Турецкого, рассказывал, что в конце мая Меер Борухин уговаривал его прекратить работу, «когда не согласился, угрожал его побить и даже толкнул» [4, л. 47].

7 июня 1887 года мастера слесарно-кузнечного дела отважились направить прошение «Его Высокоблагородию господину Минскому Полицейстеру». В нем отмечалось: «Подмастерья слесарно-кузнечного цеха в г. Минске, желая над своими мастерами быть не то что подчиненными, но хозяевами и владеть ими по самовольному своему желанию, взволновались, сделав между собой на то заговор и таким образом с 25 числа минувшего апреля сего года не занимаются у мастеров означенным ремеслом, а толпами нападают на них по заговору вместе с учениками того же ремесла.

Заговор означенных подмастерьев, привлечших к своему союзу учеников того ремесла, настолько вредный, как нельзя выразить, и извращающий весь порядок благоустройства в ремесленном обществе и в государстве» [4, л. 35].

Обращает на себя внимание тот факт, что мастера, написавшие прошение, среди

зачинщиков обозначили мастеров Хаима Шапиро и Шаю Зеликовича, совместно владевших одной слесарно-кузнечной мастерской, которые формально были в числе пострадавших мастеров, от которых ушли подмастерья.

Помощник пристава 3-й части Минска Васюкович вновь приступил к «производству дознания». 10 июня он установил девять лиц, которых «уличил в возведенном на них проступке». Ими оказались: подмастерья Айзик Румеровский, Вульф Слепьян, Абрам Коваль, Хаим Розин, Лейба Праховник, Меер Борухин, Матусь Зухович и мастера Шая Зеликович и Хаим Шапиро. Все подмастерья, кроме Меера Борухина, работали в мастерской Шапиро и Зеликовича, как они говорили сами, «у Шапиры». Все обвиняемые были подвергнуты допросу. Никто из них виновным себя не признал, подчеркивая, что «никого не подговаривал, не угрожал». В своих ответах подмастерья строго придерживались одной тактической линии, что не они объявили забастовку и перестали работать, а их уволили. Мастера Зеликович и Шапиро также давали сходные показания. Отвечавший первым Зеликович ссылался на Шапиро, к которому «приходил Лейба Ритенбаум и как другу советовал удалить подмастерьев». Шапиро тоже говорил о визите Лейбы Ритенбаума, который в своем предупреждении о пресловутом векселе в свою очередь ссылался уже на цехового старшину Малявского, от которого якобы исходила инициатива брать с мастеров векселя. Несмотря на столь частое упоминание, Лейба Ритенбаум так и не заинтересовал помощника пристава и не был включен в круг виновных. А, возможно, вообще являлся лицом мифическим. У всех девяти обвиненных Васюкович взял «подписку не отлучаться» [4, л. 44]. Это максимум, что он мог сделать, исходя из своих полномочий.

Как и положено, Минская ремесленная управа препроводила дело о заговоре слесарей мировому судье 3-го участка Минского мирового округа. 22 августа тот возвратил означенное дело «потому, что в статье 1358-й Уложения о наказаниях не предусмотрены подобные проступки» [4, л. 6]. Ремесленная управа еще инициировала переписку с Минским губернским правлением, прося разъяснений, «чьему

ведению подлежат изложенные проступки ремесленников: мировым ли учреждениям или ремесленной управе» [4, л. 6]. Последним в деле о заговоре слесарей является ответ Минского губернского правления ремесленной управе от 9 ноября 1887 года, в котором изложены вышеупомянутые положения о неприменимости к данному случаю действия законов о стачке рабочих на фабриках и заводах [4, л. 73]. Но острота вопроса уже была снята. Работа в мастерских возобновилась на прежних условиях, за исключением новой, организованной подмастерьями, которая быстро распалась. Слесарно-кузнечный цех залечивал раны, ударно работая над накопившимися заказами и возвращая доверие своих клиентов.

Так что это было? Минской полиции была задана серьезная загадка. Да, произошла забастовка. Но это была нетипичная стачка отчаявшихся нищих и голодных рабочих. Лишь изредка отдельные мастера говорили о повышении платы, главным требованием была работа «от б до б». Причем оно исходило от узкого круга зачинщиков, которые угрозами и подкупом заставляли других подмастерьев и учеников уйти из мастерских. К этой забастовке больше подходило слово «заговор», неслучайно именно оно и осталось в архиве. Чья-то уверенная рука заранее написала сценарий, позаботилась о средствах в качестве заблаговременно организованной стачечной кассы и в ответственный момент умело выполнила режиссерские функции, при этом не выдавая себя, сидя в зрительном зале, вместе со всеми негодуя и аплодируя. Скорее всего, этот человек был связан с зарождавшимся революционным движением, в 1880-е годы представленным народничеством.

Полиции были известны многие из народников, действовавших в Минске. Интересно, что они уже давно облюбовали для пропаганды слесарно-кузнечный ремесленный цех. Так, еще в 1875–1876 годах в слесарной мастерской Бейлина (возможно, того самого Копеля Бейлина, который встречается в деле слесарей 1887 года) обучался ремеслу и вел пропаганду среди рабочих студент Петербургского технологического института Михаил Рабинович. Его считают зачинателем народнического движения в городе [6, с. 230].

На рубеже 1870–1880-х годов в Минске существовал народнический кружок организации «Земля и воля». После ее раскола на «Народную волю» и «Черный передел» сторонники последнего организовали в городе подпольные типографию и библиотеку. Дважды в Минске побывал один из лидеров «Черного передела» Г.В. Плеханов. В 1886 году, буквально за год до заговора слесарей, здесь была основана народническая коммуна металлистов, просуществовавшая около полугода. В том же 1886 году в Минске состоялось большое собрание народников, на котором приняли решение издавать журнал «Социалистическое здание» и отпечатали извещение о его выходе [6, с. 231].

У минских властей не было недостатка в версиях о подозреваемых по заговору слесарей. Начальник Минского губернского жандармского управления подозревал в организации стачки И. Гурвича и его жену [1, с. 110–111; 2, с. 88]. Исаак Аронович Гурвич вместе с женой и сестрой с 1886 года возглавлял минский кружок, в который входило около 130 человек. Участники кружка, преимущественно евреи, занимались образованием на русском языке и изучали социалистическую литературу. Но прямых свидетельств их причастности к организации стачки не было. В 1890-е годы практически все члены кружка эмигрировали в США. В 1890 году в Нью-Йорк переехал и сам Гурвич, ставший там известным ученым-экономистом, журналистом и социалистом [7, р. 12, 111].

И все-таки полиция разгадала загадку, установив, как было сказано в рапорте минского полицмейстера, «в отношении стачки подмастерьев Шая Рубинов Зеликович есть зачинщик стачки, а Малявский, Бейлин, Шапино и другие есть свидетели его деяний» [4, л. 60]. Получив вполне ожидаемое известие, ведь мастера сами зачислили его в состав подозреваемых, ремесленная управа быстро собрала необходимую информацию о Зеликовиче и отправила соответствующий рапорт в Минское губернское правление. В рапорте, в частности, говорилось, что «Зеликович исключен из Минского ремесленного училища за распространение запрещенных книг и агитацию» [4, л. 63].

С восстановлением этого звена картина заговора-стачки приобрела вполне

завершенный вид. Молодой человек Шая Зеликович увлекся народничеством, за что был исключен из ремесленного училища. Благодаря, скорее всего, родственным связям, его сделали совладельцем слесарно-кузнечной мастерской Хаима Шапиро. Так он получил открытый доступ к общению с работниками. Интересно, что во всех показаниях подмастерья и ученики говорили, что они работают «у Шапиро» и только. Зеликович в качестве мастера ими никогда не упоминался, он воспринимался ими в другом качестве. Агитационная и организационная работа была проведена Зеликовичем мастерски. Причем работал он на два фронта: и на подмастерьев с учениками, и на мастеров. Первых агитировал за сокращение рабочего дня, вступление в союз и собирал с них стачечную кассу. Вторых пришлось запугивать 100-рублевым векселем. И в качестве студента, и в качестве совладельца Зеликович многому научился, поэтому не побоялся организовать новую мастерскую. В целом стачку он провел образцово. Не понятно поведение мастера Шапиро: сознательно ли он пожертвовал своей мастерской и работниками, или был ловко введен в заблуждение компаньоном. Вспомним, что среди первых заявлений мастеров от 30 апреля 1887 года заявления от Шапиро не было.

Какова была цель всего этого действия? В ходе забастовки не выявилось искреннего желания рабочих улучшить условия труда, создать реальный профсоюз, провести переговоры с мастерами. Да и вернулись они к работе на прежних условиях. Вполне закономерное экономическое противостояние подмастерьев и хозяев-мастеров стало не содержанием конфликта, а лишь формой прикрытия. Цель следует искать в логике революционного движения, в котором соединились и русские народники, и еврейские радикалы, и все остальные нигилисты ради революционного свержения самодержавия и перехода, с точки зрения народников, к крестьянскому социализму. Причем тут евреи-ремесленники? Прочитав известное революционер-социалиста Льва Дейча: «Для нас... не существовали труженики-евреи. Мы смотрели на них глазами обрусителей: еврей должен вполне ассимилироваться с коренным населением, даже ремесленников счи-

тали потенциальными эксплуататорами: ведь у них подмастерья, ученики. Не придавали значения и русским рабочим, и ремесленникам как самостоятельному классу – но лишь если делать из них социалистов, тогда через них легче будет работать среди крестьян» [8, с. 219]. Словом, они были материалом для социалистической агитации. Как сказано в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» устами Петра Верховенского, «все это материал, который надо организовать, да и убираться» [9, с. 375]. Организовать для «раскачки». «Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...» [9, с. 408]. Вот и сделали в Минске небольшую раскачку.

Как у хорошего романа, у этого дела оказалось послесловие. Буквально через год фигуранты заговора слесарей вновь вспомнили о себе. 23 марта 1888 года управа слесарно-кузнечного цеха направила ремесленной управе рапорт о том, что в ходе очередной проверки слесарно-кузнечных мастерских мастер Хаим Шапиро отказался предоставить аттестат и «оказал сопротивление при исполнении старшиною служебных обязанностей» [10, л. 36]. 8 июня в подобном отказе был уличен и его компаньон Шая Зеликович. [10, л. 96]. Он не только ушел от ответственности за организацию заговора минских слесарей, но и остался верен своим убеждениям. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Памяць: Гісторыка-дакументальныя хроніка Мінска: у 4 кн. – Кн. 2-я. – Мінск: БЕЛТА, 2001. – 704 с.
2. Бич, М.О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. / М.О. Бич. – Минск: Наука и техника, 1983. – 280 с.
3. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 575.
4. НИАБ. – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 398.
5. Устав ремесленный // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. – СПб.: В типографии 2-го отд. Собст. Его Импер. Величества канцелярии, 1857 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Руниверс. – Режим доступа: www.runivers.ru/lib/book. – Дата доступа: 21.10.2014.
6. Шибко, З.В. Минск: Страницы жизни дореволюционного города / З.В. Шибко, С.Ф. Шибко. – Минск: Полымя, 1990. – 352 с.
7. Karlowich, R.A. We Fall and Rise: Russian-language Newspapers in New York city, 1889–1914 / R.A. Karlowich. – NY – L.: The Scarecrow Press, Inc. Metuchen, 1991. – 332 p.
8. Солженицын, А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1 / А.И. Солженицын. – М.: Русский путь, 2001. – 512 с.
9. Достоевский, Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский. – СПб.: Азбука, 2000. – 704 с.
10. НИАБ. – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 423.